DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.033

А. М. Меньщикова

УДК 821.161.1-14 Ахматова + 004.77 + 791.43.05 + 808.1

«ГОДОВЩИНУ ПОСЛЕДНЮЮ ПРАЗДНУЙ...»: АХМАТОВСКИЕ ДАТЫ В ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ*

В статье предпринята попытка проследить изменение образа и статуса Анны Ахматовой в контексте трансформации социокультурной ситуации и смены поколений читателей в период между столетним юбилеем поэта в 1989 г. и ее годовщинами в XXI в. Соотнесение принципа выборки материала, связанного с посмертной судьбой образа «великого русского поэта», с индивидуально-авторской системой координат позволяет сделать выводы об основных причинах и факторах изменения рецепции Ахматовой на протяжении последних 30 лет на материале библиографии, интернет-порталов и киноинтерпретаций.

Ключевые слова: рецепция Анны Ахматовой; поколенческий аспект; юбилей Анны Ахматовой

Ахматова жила в системе годовщин и юбилеев — дат уже свершившихся и еще не сбывшихся событий, написанных стихотворений, встреч и не-встреч. Наряду с названием невоплощенной автобиографии «Мои полвека», досконально изученными «временными осями» «Поэмы без героя» (1914 г., оборачивающийся 1941-м, многократно отраженным в зазеркалье поэмы), материал «Записных книжек» Ахматовой позволяет привести примеры пристального внимания поэта к началу и окончанию периодов, значимых для ее судьбы.

В Записной книжке № 13 (1962–1963) появляется заголовок «Годовщины», предваряющий записи о значении даты «14 августа», ознаменованной

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант No 19-512-23003 «Самосознание и диалог поколений в русской и венгерской литературной практике XX–XXI веков».

постановлением 1946 г.: «Этот день (14 авг.) стал чем-то вроде праздника литературы: ругательные статьи в газетах, доклады, обсуждения. В 1948 году все протекало с обычной торжественностью, и вдруг через несколько дней умирает Жданов» [Ахматова, 1996, с. 265]. В Записной книжке № 17 (1963–1965) запись от 24 июня 1965 г. также предваряет красноречивый заголовок: «Через год “Четкам” исполнится полвека». Далее следует текст о судьбе раннего сборника, которому, по мнению Ахматовой, «жизни... было отпущено примерно 6 недель» в связи с надвигающейся катастрофой 1914 г., однако «много раз она (книга. — А. М.) выплывала и из моря крови, и из полярного оледенения, и побывав на плахе, и украшая собой списки запрещенных изданий, и представляя собой краденое добро...» [Там же, с. 375]. Указание на полувековой юбилей книги становится поводом, позволяющим прочертить основные вехи творческой судьбы, вмещенные в несколько строк.

Воспоминания А. Наймана напрямую соотносятся с упоминанием о пятидесятилетии «Четок», продолжая интонацию Ахматовой: «Дни ее жизни... были... годовщинами, юбилеями — десятилетними, четвертьвековыми, полувековыми. <...> Время, в которое я ее узнал и до конца ее жизни, было время пятидесятилетних дат: начала публикации стихов, вступления в “Цех поэтов”, венчания с Гумилевым... выхода в свет “Вечера”, “Четок”, “Белой стаи”» [Найман, 2008, с. 16].

Такое отношение к датам, годовщинам и юбилеям (свойство памяти поэта) определяло образ мира Ахматовой, актуализируя идею связи между разновременными явлениями, цикличности (а значит, целостности) судьбы или, по В. Н. Топорову, обеспечивая «непрерывность образа жизни» как в пределах собственной биографии, так и в литературе [Топоров, 2003, с. 267]. Одним из многих, кто указывал на эту черту, стал М. Мейлах, писавший в «Заметках об Анне Ахматовой»: «Это (соотнесение себя нынешнего с собой в прошлом. — А. М.) сопровождается актуализацией воспоминания, которое становится событием настоящего, ощущением памяти, как живой памяти, неотделимой от совести и от ответственности за себя и своих близких» [Мейлах, с. 261].

Система закрепления определенных устойчивых периодов позволяет проследить изменения в рецепции как конкретных фактов, так и фигуры поэта в целом. Установленная и точно фиксируемая поэтом система дат и юбилеев, очевидно, спровоцировала ахматоведов и авторов мемуаров на обращение к такой же форме отсчета значимых событий. Об этом говорят названия ряда статей, в том числе «Анна Ахматова — пятьдесят лет спустя» А. К. Жолковского, «ААА через тридцать три года» А. Наймана. Вынесенный в название ракурс этих работ создает напряжение на оси «тогда — сейчас», столь значимой для мировидения поэта. Так, статья Жолковского написана к пятидесятилетней годовщине Постановления ЦК и доклада Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», Наймана — очевидно, через 33 года после празднования 75-летия Ахматовой в Музее Маяковского и в связи со смертью И. Бродского, которая, по выражению автора «Рассказов...», «закрывает за Ахматовой тяжелую дверь, отсекает ее от конкретных времен, где она до той минуты все еще живые продолжалась...» [Найман, 2008, с. 224].

Обращение к материалам, посвященным значимым датам, связанным с Ахматовой, позволяет остаться в пределах уже установившейся традиции, говоря о рецепции ее образа, ведя отсчет от года столетия поэта.

В 1989 г. Аманда Хэйт заметила: «Это очень странно — праздновать столетие человека, которого ты знал. Это как если бы дверь в последний раз закрылась за живым существом, и вдруг оно стало бронзой» [Найман, 2008, с. 224]. Метафора первого биографа Ахматовой могла бы стать эпитафией к характеристике процессов, начавшихся в год столетия поэта и определивших современную рецепцию поэта, связанную как со сменой поколений читателей, мемуаристов и исследователей, так и с произошедшими изменениями в современном социокультурном пространстве.

Столетие Ахматовой ознаменовалось рядом крупных событий, наиболее масштабные из которых — открытие музея в Фонтанном доме, выход документального фильма С. Арановича «Личное дело Анны Ахматовой», состоящего из монтажа ранее недоступных материалов документальной съемки, а также включающего аудиозаписи авторского чтения стихов, проведение конференций в России и за рубежом, участниками которых стали преимущественно младшие современники поэта, знавшие Ахматову лично, а также выход тематических номеров газет и журналов. Так, № 5 журнала «Литературное обозрение» (1989) был полностью посвящен 100-летию поэта. Смысловая целостность номера позволяет остановиться на нем для иллюстрации ситуации, сложившейся к столетию Ахматовой, относительно оценки ее личности, осмысления ее литературного наследия и задач, которые были поставлены ахматоведческим сообществом.

Материалы номера и их последовательность говорят о наличии неоспоримой тенденции в восприятии поэта, интонаций и принципов, с позиции которых ведется разговор. Около четверти выпуска заняли тексты Ахматовой, в том числе неопубликованные ранее дневниковые записи последнего месяца жизни («Записные книжки» будут изданы только в 1996 г.), отрывки из автобиографии, литературно-критические фрагменты под заголовками «Пестрые заметки», «К истории акмеизма», «К пятидесятилетию литературной деятельности. Лекции. Ахматова и борьба с ней». Это наблюдение важно не только потому, что включение именно такого материала в юбилейный выпуск журнала говорит о стремлении продлить звучание голоса поэта.

В. Н. Топоров, статьей которого открывается Ахматовский сборник, вышедший в Париже в 1989 г. в Институте славяноведения (столь же крупное событие юбилейного года, учитывая состав авторов¹), утверждал, что «именно март 1966 г. стал важнейшим рубежом в ахматоведении», поскольку «печальное событие как бы сняло с исследователя груз ответственности за свои заключения: верховная санкция поэта... теперь уже не могла выступать как механизм обратной связи или реализация “сенаторской” функции последнего слова поэта» [Топоров, 1989, с. 14–15].

¹ Авторы, чьи исследования вошли в сборник, остаются в пантеоне ахматоведения и сегодня, материалы многих вошли и в рассматриваемый выпуск «Литературного обозрения» (1989. № 5): Р. Д. Тименчик, А. Найман, Вяч. Вс. Иванов, М. Мейлах, Т. В. Цивьян, Л. Лосев, Ж. Нива и др.

Упоминание «сенаторской» функции в связи с Ахматовой не случайно. Изучение «Записных книжек» позволяет убедиться в том, что она была не только автором, но и критиком собственного творчества. Методично расставлявшая необходимые акценты для будущих исследователей, указывая на неточности в известных ей интерпретациях, выделяя работы, представляющиеся удачными, разоблачая недобросовестные и заведомо ложные источники, она заранее совершала отбор подходов и направлений исследовательских сюжетов о своем творчестве и биографии². Имея в виду эту стратегию, можно с уверенностью предположить: помещение в юбилейный номер критических заметок из еще не опубликованных к тому моменту «Записных книжек» отвечает нескольким задачам: 1) дать слово от первого лица, продолжая звучание живого голоса; 2) обозначить позицию поэта для будущих исследователей в качестве верховной воли автора.

Помимо текстов Ахматовой в номер были включены мемуары разных лет. Важно (учитывая необходимость корректировки образа «оборотня, циркулировавшего в зарубежной прессе») выделение рубрики «Голоса из далека», в которой были представлены воспоминания эмигрантов, в том числе Б. Анрепа, К. Мочульского и др. Не менее значительную часть юбилейного номера заняли стихи разных лет, посвященные Ахматовой. В финале выпуска — подборка стихов «волшебного хора», созданных уже после смерти поэта, за исключением последнего — прижизненного, закрывающего номер стихотворения Е. Рейна «У зимней тьмы печалей полон рот...» с посвящением Анне Ахматовой, датированного 1965 г. По случайному совпадению или вследствие скрупулезно выстроенной стратегии номера стихотворение завершается строфой, содержащей столь значимую для Ахматовой константу памяти: «Тут смысла нет, и вымысла тут нет, / И сути нет, хотя конец рассказу. / Когда я вижу освещенный снег, / Я Ваше имя вспоминаю сразу» [Рейн, с. 112]. А. Найман, написавший предисловие к подборке «Четыре стихотворения», так характеризует стихотворение Е. Рейна, подчеркивая его особое место в ряду других: «По всей вероятности, это последнее из нескольких сот посвященных Ахматовой стихотворений, которое она успела прочесть <...> Интересно, что поэт, как бы между прочим упомянув об астероиде³, предсказал его: в 1988 году небесное тело, крупный астероид, назвали “Анна Ахматова”» [Найман, 1989, с. 111]

² Помимо множества отзывов о «Поэме без героя», представленных в «Записных книжках» в нескольких списках. См., например: о традиции: «Вячеслав Иванов, когда я первый раз прочла стихи в Ак<адемии> стиха, сказал, что я говорю недосказанное Анненским, возвращаю те драгоценно<сти>, кот<орые> он унес с собой. (Это не дословно.) А дословно: “Вы сами не знаете, что делаете наедине”. А Сологуб много позже сказал: “Критика вовсе не собиралась признавать Ахматову, ее принудили к этому читатели”» [Ахматова, 1996, с. 93]; о намеренном искажении в мемуарах эмигрантов: «Возможно, что они (Цех поэтов) сначала ориентировались на Николая Степановича и в честь Одоевцевой всячески отрывали его от меня. Затем почему-то спохватились, и я оказалась “громким петербургским голосом”, и они стали ориентироваться на меня. Тогда все, кто ненавидел их (хотя бы окружение М. Цветаевой и Ходасевича) стали отрекаться от меня, например, “профессор Пнин”. Таким образом возник еще один оборотень, который циркулирует в зарубежной прессе и носит мое имя» [Там же, с. 116].

³ См. первую строфу: «У зимней тьмы печалей полон рот, / Но прежде, чем она его откроет, / Огонь небесный вдруг произойдет — / Метеорит, ракета, астероид» [Рейн, с. 112].

Столетний юбилей парадоксально выполнил две задачи, с одной стороны, продлив звучание живого голоса поэта, с другой — обозначив окончание живой истории и утвердив образ поэта, «ставшего бронзой».

Нельзя не подчеркнуть личностный подход, который был присущ самим юбилейным мероприятиям и подготовке к ним, о чем говорит В. А. Черных в воспоминаниях «Накануне столетнего юбилея Анны Ахматовой». Помимо публикации дневниковых записей, посвященных предъюбилейным месяцам, исследователь приводит выдержки из своей заметки 1988 г. в «Литературной газете», вышедшей под заголовком «Грядущие юбилеи поэтов», предваряя их комментарием: «Сейчас в это трудно поверить, но еще в начале 1988 года не было уверенности в том, что предстоящие столетние юбилеи крупнейших русских поэтов Серебряного века будут отпразднованы как подобает»: «Предстоящий юбилей Ахматовой открывает для нас сегодня целую цепь столетних годовщин замечательных русских советских поэтов: 1990 год — Борис Пастернак; 1991 год — Осип Мандельштам; 1992 год — Марина Цветаева; 1993 год — Владимир Маяковский; 1995 год — Сергей Есенин. Каждый из этих юбилеев должен быть отпразднован всенародно» [Черных, с. 3–4].

В последующие 30 лет в рамках обозначенных Р. Д. Тименчиком и В. Н. Топоровым задач были решены некоторые проблемы эдиционного и исследовательского характера: изданы «Записные книжки» (1996), трехтомник «Записки об Анне Ахматовой» Л. Чуковской (1997), Собрание сочинений в 8 томах под ред. Л. Коваленко (1998–2004), комплекс редакций «Поэмы без героя» с текстологическими комментариями Н. И. Крайневой (2009), расширенное издание трудов Р. Д. Тименчика «Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы», включающее публикацию и комментарии к архивным документам (2014), Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой В. А. Черных (2016). Вместе с тем в этом поле остались нерешенные проблемы, в том числе — отсутствие академической биографии поэта, а также открытые вопросы издания полного творческого наследия.

За этот же период вышли издания популяризаторского характера, так или иначе эксплуатирующие автомиф Ахматовой. Так, в книге, вышедшей в серии «ЖЗЛ», биография поэта оказалась фактически подмененной (2009), а с выходом «Анти-Ахматовой» (2007) и «Анти-Ахматовой-2» (2011) стала очевидной тенденция к маркетинговым спекуляциям на имени поэта: к середине 2000-х гг. Ахматова была окончательно утверждена в пантеоне классиков, что, в свою очередь, вызвало развитие наметившихся процессов, если иметь в виду специфические и подчас спорные интерпретации судьбы и творчества Ахматовой Д. Быковым (ряд видеолекций 2010-х гг., книга комиксов «Любовь и смерть в русской литературе», 2019).

Наметившимся переходом на язык массовой культуры и превалированием визуального кода объясняется возрастающее от годовщины к годовщине число киноинтерпретаций образа Ахматовой со второй половины 2000-х гг.⁴, манера обращения к автобиографическому материалу, в которых в целом отражаются тенденции, проявившиеся в популяризаторской литературе. Документально-художественно-

⁴ Подробнее см.: *Меньщикова А. М.* Документ в структуре киноинтерпретаций образа А. Ахматовой: принципы функционирования // *Филология и культура. Philology And Culture.* 2014. № 3. С. 207–210.

жественный фильм «Луна в зените» (реж. Д. Томашпольский, 2007) до сегодняшнего дня представляет собой единственную, наиболее корректную с исследовательской точки зрения и сложную по замыслу и воплощению, ориентированную на профессионального зрителя киноверсию образа поэта. Историко-биографический популяризаторский фильм «Поэт и время. Анна Ахматова» (реж. Б. Дворкин, 2008) ориентирован на визуализацию общеизвестных биографических сведений героини, нейтрально вписанных в контекст эпохи. Попыткой оживить образ поэта, зачастую через обытовление изображаемых реалий или погружение в контекст личных взаимоотношений Ахматовой, стали документальный фильм «Гении и злодеи. Анна Ахматова и Амедео Модильяни» (реж. Т. Малова, 2004) и документальный фильм «Анна Ахматова и Артур Лурье: слово и музыка» (реж. В. Непевный, 2011) — к 45-й годовщине со дня смерти поэта.

Художественный фильм «Татарская княжна» (реж. И. Квирикадзе, 2009) и документальный фильм «В поисках истины. Черный перстень Анны Ахматовой» (серия «В поисках истины...», 2009) — к 120-летию юбилею — киноверсии, обращенные к автомифу поэта, в обоих случаях допускающие неточности, вольность интерпретации и ориентацию на массового зрителя. Случай появления фильма об Ахматовой в серии «В поисках истины...» красноречиво свидетельствует о переводе тайны (поэтического таланта или — по-ахматовски — ремесла) в разряд загадки, по определению предполагающей разгадку, поиск ответов и отказ от сакрализации.

В 2019 г., к 130-летию поэта, вышел новый документальный фильм «Анна Ахматова. Вечное присутствие» (реж. Е. Якович, 2019), представляющий собой компиляцию документальных кадров сохранившейся оперативной съемки, не вошедшей в фильм С. Арановича, записей авторского чтения стихов, воспоминаний ныне живущих современников — А. Каминской, Я. Гордина, А. Кушнера, В. Шкловской, М. Мейлаха, комментариев создателя и первого директора музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме Н. Поповой, автора книги «Ахматовские зеркала», актрисы (в том числе играющей в спектакле «Гоголь-центра» «Ахматова. Поэма без героя», 2017 г.) А. Демидовой. В отличие от предшествующих киноинтерпретаций, «Анна Ахматова. Вечное присутствие» — целиком мемориальный сюжет, в своей интонации сложившийся, очевидно, с появлением в кадре живых свидетелей ушедшей истории, подтверждающих ее окончание и превращение «живого существа» в «бронзу». В заключительной части фильма использован материал из книги «Послесловие» (2006), выпущенной музеем поэта в Фонтанном доме к 40-летней годовщине со дня смерти Ахматовой и посвященной событиям 5–10 марта 1966 г.

Симптоматично, что ныне живущие современники Ахматовой оказались в ситуации исчерпанности воспоминаний. Так, Д. Бобышев в 2014 г. посвятил эссеистический текст к 125-летию поэта, начинающийся с объяснения необходимости ухода от повторений ранее сказанного и написанного: «Прошло более полувека со времени нашего знакомства с Ахматовой, и теперь уже трудно рассказать что-то новое о ней, что не повторяло бы мемуары других ее современников и друзей. Не хочется повторяться и самому...». Бобышев обращается к словам

Ахматовой, вполне точно предсказавшей не только посмертную судьбу своего образа, но и характер рецепции авторов-классиков в целом: «...она убеждала не превращать первоклассных поэтов в чучела, наподобие диванных валиков, чтобы избивать ими друг друга» [Бобышев].

Несмотря на то, что современная социокультурная ситуация складывается фактически противоположно относительно времени столетия Ахматовой (тотальная открытость, возможность публикации, отсутствие цензуры), годовщины поэта последних 15–20 лет, как и годовщины поэтов, о которых писал В. А. Черных в «Литературной газете» в 1988 г., утратили индивидуальность своих героев. При сохранении некоторых традиционных черт, поддерживаемых узким профессиональным кругом (музей в Фонтанном доме, ахматоведческое сообщество, немногочисленные современники поэта), юбилей превращается в повод, календарную дату, с которой связываются общие, обезличенные форматы, от флешмобов в соцсетях до выпуска сувенирной продукции, одежды и украшений с лейблом именинника. Ахматова превратилась в классика, наряду с другими литературными фигурами, разница между которыми далеко не всегда интересует потребителей массовой культуры.

Изменение формата, а следовательно, языка источников — от толстого журнала к интернет-порталу, от пространства открывшегося в год столетия музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме — к сайту музея привело к изменению семиотики годовщины в целом, став существенной вехой в поле рецепции поэта в XXI в. Так, в 2016 г. интернет-портал «АфишаDaily» подготовил материал под названием «50 лет без Ахматовой: как отметить юбилей великого русского поэта», предлагающий «способы почтить память автора “Белой стаи”, “Реквиема” и других литературных шедевров XX века». В список таких возможностей вошло изучение нового курса от Arzamas «Мир Анны Ахматовой», включающий лекции К. Поливанова, А. Жолковского, Д. Быкова и Р. Тименчика, а также «дополнительные материалы»: «10 самых живучих мифов об Ахматовой, специфика ее отношений с Маяковским и главные спортсмены Серебряного века»; поездка на экскурсию в Фонтанный дом, прочтение «Поэмы без героя»⁵, знакомство с голосом 70-летней Ахматовой (автор материала анонсирует ценность аудиозаписей в столь же стилистически сниженной манере: «Шутка ли: 23 минуты кухонных споров о Пушкине, Гончаровой и Дантесе с участием Ахматовой...») и др. [Кириенков].

Годовщина «великого русского поэта» действительно стала народной — явление, невозможное для 1989 г., однако принципиальные изменения в социокультурном контексте привели к смешению знания профессионального (т. е. элитарного) и популистского (подчас синонимичного упрощению и тенденциозности), а также тиражированию последнего, учитывая его успех среди потребителей массовой культуры.

⁵ Симптоматичен по стилю и содержанию комментарий к этой форме «поминовения» поэта: «Итоговое произведение Ахматовой... трудно назвать вовсе не замеченным сочинением, но и народным — под стать антитоталитарному “Реквиему” — хитом оно тоже не стало <...> Тем существеннее компания, в которой состоится первое знакомство с ахматовским opus magnum: лучше сделать это, держа под рукой базовую статью того же Тименчика...».

Созданные в 1946 г. строки Ахматовой, ставшие ироничным поэтическим ответом на знаменитое Постановление в журналах «Звезда» и «Ленинград» («Теперь меня позабудут, / И книги сгнут в шкафу. / Ахматовской звать не будут / Ни улицу, ни строфу» [Ахматова, 1990, с. 270]), в изменившемся контексте приобретают новый оттенок звучания. Ахматова сегодня, безусловно, не забыта, ее статус в литературном процессе XX в. и в отечественном литературном наследии не вызывает сомнения. В современной школьной и вузовской программе имя поэта стоит в числе основных, наиболее значимых фигур истории русской литературы, входя в образовательный минимум среднестатистического российского школьника и тем более студента гуманитарного факультета. Особенно значимым с точки зрения образовательной политики являются стихи, относящиеся к гражданской лирике: стихотворения «Мне голос был...», «Не с теми я, кто бросил землю» — об отношении поэта к идее эмиграции в послереволюционный период, поэма «Реквием», ставшая поминовением жертв Большого террора, и стихотворение «Мужество», написанное в годы Великой Отечественной войны. Иными словами, поэзия Анны Ахматовой, безусловно, входит в состав ключевых текстов русской литературы, формирующих национально-культурную идентичность.

Менее однозначна ситуация с «ахматовскими улицами». Безусловно, имя поэта вышло за пределы собственно литературного поля: в постсоветском пространстве действительно есть улицы, получившие имя поэта. Помимо улицы Ахматовой в городе Пушкин, Ахматовскую улицу (или улицу имени Анны Ахматовой) можно найти на картах Москвы, Киева, Ташкента, а также ряда российских городов, не связанных с судьбой поэта. Памятники Ахматовой поставлены в Санкт-Петербурге (наиболее известные — напротив СИЗО «Кресты», во дворике филологического факультета СПбГУ, в Фонтанном доме), Одессе, Москве (по рисунку Модильяни). На эмблеме Года литературы в России узнаваемый горбоносый профиль Ахматовой размещен наряду с узнаваемыми профилями Пушкина и Гоголя и растиражирован на сувенирной продукции, связанной с официальными мероприятиями (ручки, календари, блокноты, почтовые марки и т. д.). В продаже появилась одежда с принтом Ахматовой, а также «атрибутами», так или иначе «связанными» с поэтом: подарочный набор, состоящий из травяного чая и меда, на этикетках которых изображен тот же узнаваемый профиль Ахматовой и тест, авторство которого приписано поэту: «У Ахматовой был любимый тест для новых знакомых: “Чай или кофе? Кошка или собака?” — “Чай, собака, Пастернак” или “Кофе, кошка, Мандельштам”». Последний пример может быть дополнен многочисленными мемами из социальных сетей.

Казалось бы, приведенные примеры доказывают, что образ Ахматовой вполне воспринят и присвоен широким социокультурным пространством. Поэт-классик утверждён на постаменте, образ растиражирован и узнаваем.

Тем не менее в ситуации ухода от литературоцентризма и тяготения к визуализации в массовой культуре рецепция образа классика претерпевает существенные изменения. На первый план выходит эмблематичность, внешняя форма, зачастую не предполагающая погружения в содержание, стоящее за ней. Б. Дубин, обращаясь к феномену литературной классики, говорит о «магистральном

историко-культурном сюжете — превращения классики (через ее массовое тиражирование) из ценностной идеи в пустую форму значимости (рекламный бренд)» [Дубин, с. 6].

Так, памятник поэту напротив старейшего следственного изолятора «Кресты», установленный в соответствии с прижизненной волей поэта («А если когда-нибудь в этой стране / Воздвигнуть задумают памятник мне, / Согласье на это даю торжество, / Но только с условием — не ставить его / Ни около моря, где я родилась: / Последняя с морем разорвана связь, / Ни в царском саду у заветного пня, / Где тень безутешная ищет меня, / А здесь, где стояла я триста часов / И где для меня не открыли засов. / <...> И пусть с неподвижных и бронзовых век / Как слезы струится подтаявший снег...» [Ахматова, 1990, с. 203]), отражает образ ранней Ахматовой периода любовной лирики «Вечера», «Четок», «Белой стаи», но не автора «Реквиема», пережившего собственную гражданскую смерть, гибель Н. Гумилева, арест сына — Л. Гумилева и двух мужей: В. Шилейко и Н. Пунина. В выводимых на экран текстовых вставках упомянутого выше фильма «Анна Ахматова. Вечное присутствие», сюжет которого практически не затрагивает эпоху 1910-х гг., начинаясь с трагических событий 1921 г. (упоминанием о похоронах А. Блока и гибели Н. Гумилева), в качестве графического символа также использован узнаваемый профиль поэта периода Серебряного века. В случае с Ахматовой повторяющиеся «магистральные историко-культурные сюжеты» привели к расхождению внешнего, ставшего брендом (внешне узнаваемый профиль Ахматовой 1910-х гг.) и сущностного (поэтические достижения Ахматовой, ставшие классикой, относятся к позднему творческому периоду, начавшемуся с 1940-х гг.).

На первый план, таким образом, выходит не знание творчества того или иного автора, не попытка самоидентификации с конкретной выдающейся личностью, а знак принадлежности к образованной элите, прослойке интеллигенции. Эту мысль, безусловно, допускающую исключения, доказывает тот факт, что мемы, в которых использованы поэтические строки или суждения, часть которых едва ли принадлежала Ахматовой, сопровождаются изображением Вирджинии Вульф, имеющей некоторое портретное сходство с поэтом.

В тех плоскостях социокультурного поля, где литературоцентризм по-прежнему преобладает над визуальным образом — т. е. в профессиональной среде, — образ поэта-классика функционирует иначе. Так, образ поздней Ахматовой, обращение к ее судьбе и текстам — гораздо частотнее обращения к эмблематичному горбоносому профилю.

Очевидно, что случай Ахматовой — результат одновременного воздействия нескольких процессов. Во-первых, празднование столетия поэта и последующий, на протяжении 30 лет продолжающийся процесс ухода ее современников неизбежно приводят (и это уже произошло) к окончательному уходу некогда продолжавшегося в памяти и беседах близких, наравне с живыми, человека; во-вторых, этот процесс совпал по времени с глобальными социокультурными изменениями на рубеже XX и XXI вв., изменившими и статус литературы, и функции авторов-классиков. При попытке проследить связь отдаленных во времени

точек — столетия Ахматовой в 1989 г. и ее годовщин в XXI в., становится очевидным не только начало и завершение процесса становления «бронзовой» фигуры, сооружения постамента и уход от «живого существа», но и постепенная утрата индивидуальности творческой судьбы и образа поэта.

Ахматова А. А. Сочинения в двух томах : в 2 т. М., 1990. Т. 1.

Ахматова А. А. Записные книжки (1958–1966). М., 1996.

Бобышев Д. Око Ахматовой. К 125-летию со дня рождения Ахматовой // [Персональный сайт поэта Дмитрия Бобышева]. URL: <https://dbobyshev.wordpress.com> (дата обращения: 15.02.2021).

Дубин Б. Классика, после и рядом : социол. очерки о литературе и культуре. М., 2010.

Кириенков И. 50 лет без Ахматовой: как отметить юбилей великого русского поэта // [АфишаDaily]. URL: <https://daily.afisha.ru/brain/712-50-let-bez-ahmatovoj-kak-otmetit-yubilej-velikogo-russkogo-poeta/> (дата обращения: 15.02.2021).

Мейлах М. Заметки об Анне Ахматовой // Ахматовский сборник / сост. С. Дедюлин, Г. Суперфин. Париж, 1989. С. 257–281.

Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 2008.

Найман А. Четыре стихотворения // Лит. обозрение. 1989. № 5. С. 110–111.

Рейн Е. «У зимней тьмы печалей полон рот» // Лит. обозрение. 1989. № 5. С. 112.

Топоров В. Н. Об одном письме к Анне Ахматовой // Ахматовский сборник / сост. С. Дедюлин, Г. Суперфин. Париж, 1989. С. 13–29.

Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы // Избранные труды. СПб., 2003.

Черных В. А. Накануне столетнего юбилея Анны Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, образ, судьба, творчество / сост. и науч. ред. Г. М. Темненко. Симферополь, 2013. Вып. 11. С. 3–16.

Статья поступила в редакцию 17.02.2021 г.